

СВЯТЕЛЬ ОЧЕЙ

М.В.Панов - литературовед

Что такое язык и что такое литература?

Эти два вопроса для русской филологической науки со времен Ломоносова и Тредиаковского до времен Тьнянова и Якобсона были теснейшим образом связаны. Плодотворность взаимодействия языковедческого и литературно-эстетического подходов к слову была культурной аксиомой, а стратегия филологии понималась как "анализ структурных законов языка и литературы" (Тьнянов 1977, 233). В дальнейшем, однако, языкознание и литературоведение сделали достаточно обособленными подразделениями научно-бюрократического "аппарата", диктовавшего свои априорно-идеологические установки, совершенно далекие от трудных поисков неповторимой специфики слова.

Разрыв этот печальным образом сказался и на языкознании, и на литературоведении. Многие лингвисты стали проявлять полное равнодушие к литературно-эстетическому качеству исследуемых текстов: так, например, в современных толковых словарях в качестве иллюстрирующих примеров рядом с цитатами из Пушкина и Гоголя можно увидеть суконные фразы В.Коженикова или Н.Грибачева. Большинство литературоведов, в свою очередь, не владеет лингвистическим инструментарием и либо игнорирует своеобразие языка изучаемых произведений, либо отделяется субъективно-расплывчатыми суждениями и характеристиками.

И все-таки традиция истинной филологии продолжала жить и развиваться в трудные для науки и культуры десятилетия. Яркое тому свидетельство - научная деятельность Михаила Викторовича Панова. Будучи известен прежде всего как выдающийся лингвист, он вместе с тем является крупным и оригинальным литературоведом.

В этом убеждают уже собственно языковедческие труды М.В. М.В.Панова. Привлекаемые им к разбору поэтические и прозаические тексты никогда не бывают нейтральным "препаратом", они всегда выбираются и подаются с учетом их эстетической ценности. Панов любит "вкусные" цитаты и щедро угощает ими своего читателя, что отнюдь не отвлекает от собственно лингвистичес-

кой стороны дела. Когда мы читаем у Панова строфу Пастернака: "Достатком, а там и пирами, /И мебелью стиля жакоб / Иссушат, убьют темперамент, / Гудевший, как ветвь, жуком" (Панов, 1979, с.76), - то это не только пример произношения слова "ветвь" в два слога на переходе от эксплозии к имплозии. Это выразительнейший образец пастернаковского стиля, образная модель мира поэта. Наконец, это формула определенного отношения к жизни, свойственного не только Пастернаку, но и цитирующему его исследователю, неизменно равнодушному к "достатку" и сохраняющему редкий научно-творческий темперамент, азартный интерес к людям, к науке, к литературе.

В той же книге есть особая глава "Фонетические подсистемы. Фонетика поэтической речи", где с замечательной четкостью и ясностью показаны присущие поэтическому языку специфические нейтрализации: релевантных-нерелевантных различий, языка и речи, обозначаемого и обозначающего, нормативности - ненормативности, синхронности - диахронности. Все эти особенности поэтического языка эстетически значимы, без их учета и понимания невозможно адекватное восприятие (и тем более подлинно научное изучение) стихотворных произведений. Совершенно очевидно, что данные закономерности должны быть отражены не только в вузовском учебнике по фонетике, но и в учебниках по теории литературы.

В фундаментальном труде М.В.Панова о русском литературном произношении XVIII - XX веков каждая из произносительных эпох охарактеризована на уровне художественной речи. И, хотя автор оговаривается, что в этой книге "было бы неуместно анализировать поэтическое творчество или театральную игру в их собственно эстетических моментах" (Панов 1990, с.55), - литературоведческая и искусствоведческая проблематика то и дело врывается в лингвистическое повествование. Здесь мы находим важные наблюдения о наличии в русской силлабике напевной и ораторской тенденций, выразительную характеристику поэтики Ломоносова: "Оды Ломоносова - все на контрастных, силовых выделениях слов. Без них ямбический узор был бы оступляюще однотонен..." (Панов 1990, с.415), описание различий в звуковой организации стиха между Батюшковым, Пушкиным, Баратынским - с одной стороны, и "младодархаистами" - с другой. "Фонетический портрет Пуш-

кина - важнейший вклад в пушкинистику: в частности, здесь разработан своеобразный алгоритм изучения орфографии и фонетики текстов поэта; пушкинисты должны прислушаться к предостережению о том, что пушкинские стихотворные повторы ошибочно анализируются "на основе современных произносительных норм" [Панов 1990, с.266], а то и "по буквам". Здесь же исследована ритменная реформа А.К.Толстого, показаны два типа звуковой поэтики 20-30-х годов нашего века: "эстетика согласных" в футуристической и постфутуристической поэзии, в театре Мейерхольда и Вахтангова - и равновесие вокального и консонантного элементов у поэтов-акмеистов, у актеров Камерного театра.

Таковы "побочные" результаты языковедческого исследования. Прямо скажем: немногие специальные работы по литературе и театру обладают аналогичной научно-познавательной ценностью. Лишний раз убеждаемся в том, что литературоведение и эстетика не всегда живут и развиваются только в местах, специально для этого отведенных. Иной раз подлинные открытия в этой сфере совершаются там, где нет соответствующей вывески. Без нее, быть может, научная мысль движется даже живее и свободнее. М.В.Панов приложил немало усилий к тому, чтобы включить изучение языка художественной литературы в общую систему лингвистических исследований. При разработке проспекта коллективной монографии "Русский язык и советское общество" М.В.Пановым наряду с другими разделами был написан и раздел "Стилистика" [Панов 1962]. Весьма симптоматично, что автор статьи "Поэтический язык" в Краткой Литературной Энциклопедии В.П.Горьев поставил эту работу на первое место в списке литературы по теме. [Григорьев 1978, с.643]. Программа исследования была намечена захватывающая и многообещающая, однако обстоятельства помешали ее осуществлению, как и реализации многих других масштабных планов ученого. Сегодня следует открыто сказать, как много потеряла наша русистика в "застойные" годы от того, что М.В.Панов лишен был возможности руководить организацией и ходом научного процесса.

Однако М.В.Панов принадлежит к числу таких ученых, которые по таланту, энергии и работоспособности равноценны целому научному институту. Им в одиночку разработана

научная история русской поэзии XVIII - XX веков. Этот труд осуществлен в виде спецкурса по истории языка русской поэзии, который М.В.Панов долгие годы читает на филологическом факультете МГУ. Слушателями этих лекций бывали не только студенты, но и "взрослые" ученые, молодые поэты. Не в первый раз крупное научное произведение реализуется в лекционной форме: достаточно вспомнить такие "прецеденты", как эстетика Гегеля и общая лингвистика Соссюра. Живой разговор с аудиторией, возможность импровизации, постоянного обогрления и уточнения мысли - все это дает даже некоторые преимущества перед твердо зафиксированной письменной формой. Ну, а применительно к нашей действительности еще чрезвычайно важна была свобода от идеологического и методологического контроля, неизменно сковывавшего работу официально "зарегистрированных" литературоведов. Спецкурс Панова - явление научного "самиздата", или "магнитиздата" (существует звукозапись лекций). В этом смысле он типологически сходен с такими культурными явлениями, как поэзия Галича, Высоцкого и других Бардов, проза Жванецкого. Сегодня, когда рухнули казавшиеся неизблемыми идеологические твердьи, когда в свете нового мышления (да и попросту здравого смысла) предстали бесконечно далекими от истины не в меру политизированные теоретические и историко-литературные схемы, когда не запрещено и, значит, разрешено исследовать литературу как таковую, - перед всеми литературоведами стал нелегкий вопрос: а что они имеют предъявить "по гамбургскому счету", что за все минувшие годы реально сделано ими не в угоду конъюнктуре, а с целью честного научного познания? Немногие в этой ситуации могут "отчитаться" перед культурой таким весомым в нее вкладом, как это может сделать М.В.Панов с его исторической концепцией развития русской поэзии на протяжении трех веков.

М.В.Панов выступил прямым продолжателем Опояза, творчески развив традиции Тьяньнова, Шкловского и Эйхенбаума, реализовав многие задачи, лишь приблизительно намеченные этими учеными в 20-30-е годы. Как и опоязовцы, Панов исходит из представления о том, что художественная литература обладает неповторимой спецификой, что она развивается по своим имманентным законам. Литература - не пресловутое "отражение" жиз-

ни, а ее необходимая составная часть. Поэтому ее нельзя механически подверстывать к иным системам. Сначала следует выявить внутренние закономерности литературного развития, а потом уже их можно соотносить с закономерностями общественного развития. Такой путь был намечен в статье Тынянова "О литературной эволюции" и в статье Эйхенбаума "Литературный быт" (обе - 1927 г.). Таким путем пошел в своем конкретно-историческом исследовании М.В.Панов.

Источник диалектического развития поэзии он видит в самом ее внутреннем строе. Панов выделяет в поэзии три изоморфных яруса: звуковой, словесный и образный. Звуковой ярус включает всю фонику стиха: метрику, ритмику, систему звуковых повторов и контрастов. Это "нижний" этаж поэтической структуры и в то же время ее фундаментальный уровень. Именно со звукового яруса начинаются исторические сдвиги, а потом эволюционная энергия передается высшим ярусам. Крупный талант, как нередко подчеркивает Панов, отчетливо проявляется уже в самой звуковой организации стиха, в ритмической поступи поэта. Общие закономерности звукового яруса по-своему реализуются в ярусе словесном, в особенностях словоупотребления и семантических преобразованиях внутри слова. Наконец, все это находит соответствие в строении образного яруса, прежде всего - в образе лирического героя и в художественном образе мира.

При таком аналитическом подходе изучение движется от элементов обозримых и доступных эмпирическому описанию к элементам более широкого плана, что надежно страхует от априорной заданности концептуальных положений. Панов достигает здесь того конкретного историзма, который в нашем литературоведении чрезвычайно редок. Он видит в поэзии не расплывчатую бесконечность или неупорядоченное множество, а тот самый "ряд реально данных структурных типов" (Тынянов 1977, с.283), описания которого ждали от будущей науки Тынянов и Якобсон. Наглядно демонстрируя смену поэтических систем, Панов остро ощущает драматизм литературного развития, выявляя то, что недоступно простому эмпирическому наблюдению. Так, в промежутке между Ломоносовым и Державиным он видит "бесконечное количество нереализованных возможностей", столь же динамичны в его описании и другие эволюционные сдвиги.

Панову совершенно чужд тот ритуальный пиетет по отношению к литературной классике, что нередко парализует научную мысль. Он не боится, скажем, вступить в спор с Белинским, который многих поэтов "приносил в жертву Пушкину", явно недооценивая их самостоятельное значение. Панов никогда не следовал схоластически-бюрократическому разграничению писателей прошлого века на "первый" и "второй" ряд, он с давних пор высоко оценивал поэтическую культуру серебряного века, показывал огромную историческую органичность и духовно-эстетическую ценность таких направлений, как символизм, акмеизм, футуризм. С большой тактичностью и точностью отделяет он истинное от мнимого в русской поэзии советского периода, не делая уступок ни официальной конъюнктуре, ни снобистской моде.

Историко-литературная концепция М.В.Панова не поддается схематизирующему пересказу, поэтому воздержимся от попыток ее краткого изложения. Думается, сегодня уже созрели реальные предпосылки для опубликования результатов многолетних исследований ученого, и сам он должен получить возможность донести свои идеи и наблюдения не только до слушателей, но и до читателей. Мы же далее коснемся важнейших особенностей литературоведческого "почерка" Панова и попробуем охарактеризовать то особое место, которое он занимает в современной культуре.

Научно-аналитическое зрение Панова в первую очередь нацелено на уяснение творческой, эстетической специфики художественной литературы. Он прежде всего исследует, "как сделано" произведение. Такой метод нередко вызывал обвинения в "формализме", в холодном и бесстрастном "расчленении" искусства. Однако научно-аналитический опыт Панова убедительно свидетельствует, что адекватное эмоциональное восприятие литературы, подлинное ее понимание достигается именно в процессе строгого научно-эстетического анализа. Трактовка философского, духовного значения поэзии основана у Панова не на подборе афористических цитат и не на субъективном "вычитывании" из текста мировоззренческих абстракций, - она является закономерным следствием "формального" разбора. Описание образного яруса нередко осуществляется Пановым в образно-эмоциональной форме: лирический герой И.Анненского - "человек, напряженно переживающий мир", доминантная черта лирической

героини Ахматовой – "человеческое достоинство, для многих непереносимое". И такие характеристики всегда подготовлены анализом звукового и словесного ярусом.

Панов – последовательный и неуклонный "специалист" в анализе и оценке художественных явлений. Для него идейно-тематическая сторона литературы – это материал, преобразуемый по художественным законам. Он беспощаден к бездарности и серости, какими благородными идеалами они бы ни прикрывались. Это при том, что сам ученый никогда не был равнодушен к общественным вопросам и в трудных ситуациях занимал принципиальную гражданскую позицию. Вообще, наверное, последовательно эстетический взгляд на искусство присущ духовно богатым и независимым людям, ищущим в художественных созданиях не повторения жизненной реальности, а ее расширения и приумножения.

Сопоставляя художественные явления, Панов в первую очередь ищет не сходство, а различия. Внеэстетические сопадения и пересечения он категорически выносит за скобки. Это резко отличает его научную позицию от позиций тех современных литературоведов, которые сосредоточены на поисках общекультурных доминант (Д.С.Лихачев, С.С.Аверинцев), от представителей московско-тартуской семиотической школы (Вяч.Вс.Иванов, Л.М.Лотман): знаковая сторона искусства для Панова не является специфически-эстетическим признаком. Панов всегда увлечен феноменологией предмета: язык его интересует как язык, в литературе его больше всего привлекает "литературность", в других видах искусства (в частности, в живописи) – то, что их от литературы отличает.

В вопросах общэстетических Панов занимает позицию антинормативную и плюралистическую. Он готов разбираться в новом и непривычном и в то же время не приемлет принципа "прогресса" в применении к искусству. Характеризуя звуковую гармонию стихов Батюшкова, ученый отмечает: "В наш век другие поэты и по-другому тоже неповторимо показали красоту русского языка: Гюк, Хлебников, Маяковский, Пастернак, Ахматова, Мандельштам... Но "Опыты" Батюшкова оказались неповторимы" (Панов 1990, с.251). Панов ввел чрезвычайно интересную и необходимую категорию эстетической "предельности" произведения: если возможности данного материала реализованы художником до

предела, то его творение уже не может быть "превозйдено", оно уже не может быть "хуже" другого произведения, каким бы шедевром то ни являлось. При таком широком взгляде на вещи решительно отпадает необходимость в бессмысленных иерархиях, в избыточных оценочных градациях ("гениальный", "великий", просто "талантливый"), в выстраивании писателей и произведений в некую эстетическую "табель о рангах" (что нередко отвлекает литературоведов и критиков от конкретно-пристального постижения своего предмета).

Свобода мысли, эмоциональная сторона восприятия жизни и искусства, человечность и демократизм отчетливо выразились в самом языке М.В.Панова, стиле его письменной и устной речи. Панов никогда не предстает закованным в терминологическую броню, не отгораживается от читателя и собеседника декоративно-научными доспехами. Так, он очень экономно и ненавязчиво пользуется стиховедческой терминологией и статистикой. За этим стоит и важная содержательная закономерность: стиховедческий аспект у Панова органично включен в общую систему поэтики. В то время как сугубо "специализированное" современное стиховедение в основном сосредоточилось на метрике, Панов предлагает широкий взгляд на ритмику (включая сюда и ритм композиции, и ритм образа). Потому-то для Панова не существует "школьной" резкой границы между силлабо-тоническим и тоническим стихосложением - он видит в стихе соотношение (а порою и столкновение) стопной и тактовой организации, прослеживая эти две тенденции во всей истории русской поэзии.

Стиль Панова в значительной мере "двуязычен": терминологические слои чередуются с разговорно-метафорическими, мысль нередко подается в двух вариантах. Например, творчество Ахматовой определено как "поэзия улик", и тут же этому дан терминологический эквивалент: "процессуальная метонимия". Неологизмы Маяковского Панов называет агглютинативными, а неологизмы Хлебникова - фузионными, после чего различия между поэтами иллюстрируются образно-эмоциональным способом: у Маяковского словесный сдвиг - это "лишение", у Хлебникова - "дарование". Там, где требуется однозначность и ясность, Панов предпочитает слово терминологическое, иногда вводит новые термины: таково изобретенное им слово "кнотр", необходимое для

описания повторов структурных отношений на всех трех ярусах. Но каждую мысль Панов стремится довести до сознания собеседников еще и множеством эмоциональных приемов, прибегая то к раскрепощающим парадоксам, то к мягкому, тонкому юмору.

Закономерно поэтому постоянное обращение Панова к популяризирующим жанрам. Предельно доходчивы, остроумны и в то же время внутренне серьезные две его книги о русской орфографии, главы в экспериментальном школьном учебнике русского языка, статьи в "Энциклопедическом словаре юного филолога", отлично составленном, "срежиссированным" М.В.Пановым. К слову сказать, в этом издании достигнуто редкое единство лингвистического и литературоведческого подхода к слову, и статьи самого составителя служат тут вдохновляющим образцом. В своих популярных работах Панов предстает не только как серьезнейший ученый, но и как яркий литератор с очень индивидуальным стилем. Книжки и статьи Панова предназначены не только для чтения, но и для многократного перечитывания, при котором яснее становятся важные оттенки и "сцепления" мыслей.

Мы живем в весьма политизированное время: "довлеет дневи злоба его". И в литературе сегодня в первую очередь ищут не словесно-композиционную динамику, не эстетическую глубину и оригинальность, а соответствие злобе дня. Но, если наши сегодняшние надежды на лучшее сбудутся, "если русская культура возродится" [Блок 1989, с.384], то всю нашу литературу мы будем перечитывать именно как литературу. И тогда нашей культуре насущнейшим образом понадобится новое эстетическое зрение, яркий образец которого являет М.В.Панов в своей литературоведческой работе.

Художественная литература до сих пор остается в значительной мере "неопознанным объектом", используемым в каких-то побочных и не вполне адекватных целях. Об этом пронзительно сказал от имени всех художников слова Велимир Хлебников в стихотворении "Одинокий лицедей":

И с ужасом
Я понял, что я никем не видим,
Что нужно сеять очи,
Что должен сеятель очей идти!

[Хлебников 1986, с.167]

Эту увлекательную и труднейшую миссию "сеятеля очей" выбрал для себя Михаил Викторович Панов.

Литература

- Тынянов 1977 - Тынянов Ю.Н., Якобсон Р.О. Проблемы изучения литературы и языка. - В кн.: Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977.
- Панов 1979 - Панов М.В. Современный русский язык. Фонетика. М.: Высшая школа, 1979.
- Панов 1990 - Панов М.В. История русского литературного произношения ХУШ - ХХ вв. М.: Наука, 1990.
- Панов 1962 - Панов М.В. Стилистика. - В кн.: Русский язык и советское общество: Проспект. Алма-Ата: Изд-во АН Казах.ССР, 1962.
- Григорьев 1978 - Григорьев В.П. Поэтический язык русский 20 века. - В кн.: Краткая литературная энциклопедия. Т.9. М.: Сов.энциклопедия, 1978.
- Блок 1989 - Блок А.А. О литературе. М.: Худож.лит., 1989.
- Хлебников 1986 - Хлебников В. Творения. М.: Сов.писатель, 1986.